
«НУЛЕВЫЕ» И ДАЛЕЕ...

**(XXI ВЕК. ИТОГИ ЛИТЕРАТУРНОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ: ЯЗЫК – КУЛЬТУРА – ОБЩЕСТВО.
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. – М., 2011)**

Первое десятилетие XXI века по праву может считаться особым этапом в истории русской литературы. Получившее название «нулевые годы», это десятилетие включает в себе и тягу к обновлению художественных принципов, отразившуюся в творчестве целой плеяды талантливых прозаиков и поэтов, так и определенные кризисные элементы, выразившиеся в ощущении застоя, духовной опустошенности, ухода в сферу масскульта, доставшиеся в наследство от «лихих девяностых». Осмыслить движение художественной мысли последних лет и попытались участники конференции «XXI век. Итоги литературного десятилетия: язык – культура – общество», проходившей в Москве 21 апреля 2010 года. Организаторами конференции выступили Союз писателей России совместно с научными учреждениями и вузами Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Материалы этой конференции, действительно, несут на себе печать некоей итоговости, ощущение того, что в литературе сложилось и окрепло новое направление, что появились новые писатели, чьи произведения стали событием в уходящем десятилетии. Не случайны и попытки выстроить своеобразный «топ-лист» – список главных книг, самых значительных произведений, отразивших духовную атмосферу начала века. Установка на создание подобного «топ-листа» заявлена уже в обращении организатора конференции А. Большаковой, назвавшей имена В. Распутина, В. Личутина, В. Галактионовой. В своем выступлении она очень точно обозначила суть изменений в литературной картине последнего десятилетия: «Если 90-ые дали нам торжество эстетики распада, то теперь явственен разворот к иной идейно-эстетической парадигме, примечательной поисками реального героя нашего времени. На смену «браткам», «ментам», «банкирам», не совпавшим со временем «выпи-вохам художникам» приходят Тамара Ивановна и ее сын из известной повести Валентина Распутина, Санька – из одноименного романа Захара Прилепина, автор-повествователь из рассказов Бориса Евсеева».

Более интересен вариант предложенный В. Бондаренко: «Укус ангела» П. Курсанова, «Господин гексоген» А. Проханова, «Двести лет вместе» А. Солженицына, «Священная книга оборотня» В. Пелевина, «День опричника» В. Сорокина, «Pasernak» М. Елизарова, «Санья» З. Прилепина, «Смерть» Э. Лимонова, «Асан» В. Макарина, «Река любви» В. Личутина. Свой ряд В. Бондаренко выстраивает в хронологическом порядке, и обратим внимание – первыми романами десятилетия он называет произведения постмодернистского толка (Пелевин, Курсанов), а затем, по его мысли, на авансцену литературного процесса выходят произведения явно иной художественной стратегии (Елизаров, Прилепин). Кроме того, ведущими произведениями эпохи он называет книги публицистического, и даже тенденциозного толка (Проханов, Лимонов). Но собственно такой ландшафт духовного движения 2000-ых годов и будет обоснован в сборнике «XXI век: итоги литературного десятилетия».

Собственно, произведения, называемые В. Бондаренко еще не стали общепризнанной литературной классикой. Скорее – это документы нашей эпохи, отражающие еще незавершенные искания и нерешенные проблемы наших же современников. Об этих произведениях можно спорить, можно полемизировать с их концепцией. Отсюда и вторая особенность материалов сборника: им свойственен критический, и даже публицистический пафос, идущий от чувства незавершенности, живой пульсации происходящих процессов. Это конечно же ведет, с одной стороны, к излишней категоричности оценок, но, с другой стороны, делает и эти статьи факторами того же самого движения, которое они пытаются отобразить.

Внутри сборника выстраивается ряд очень интересных дискуссионных линий, действительно актуальных для критической мысли последних лет.

Первый ряд может быть определен как своеобразная рефлексия на проблему статуса литературы в современном социокультурном пространстве. Кризис литературоцентризма действительно очень широко обсуждается на страницах печати. Критики периода 2000-ых годов пытаются дать решение этой проблемы, исходя из идеологии «неопочвенничества», нашедшей свой отклик и в творчестве писателей начала века. Авторы сборника (это и А. Байбородин, и В. Галактионова, и В. Дворцов) говорят о необходимости возродить «сакральность слова», вернуться к пониманию «творчества как творения».

Думается, что видеть в этих декларациях проявления религиозного сознания, свойственного почвеннической идеологии было бы упрощением. Пожалуй, здесь проявился поиск неких настоящих, устойчивых основ жизни, тех ценностей, которые были утрачены в эпоху 1990-х. В. Личутин так обозначил суть современной духовной ситуации: «Мы живем в мире фальшивых мифологем, в глубине которых закупорен разрушающий смысл».

Литературная мысль «нулевых», действительно, по мнению критиков, перенимает от предшествующей эпохи опущение деструктивной пустоты, тотального распада всего сущего. Так, анализируя историческую прозу десятилетия А. Лобин отмечает «разрушение, дальнейшую фрагментарность и мифологизацию общественного исторического сознания». Рассматривая художественную философию М. Елизарова, Н. Дворцова пишет о том, что в мире, творимом писателем, «media разверзают бездну в сознании человека, а на смену книжному демону приходит новое чудовище, подвергающее испытанию человеческое в человеке». Н. Цветова пишет о «вторжении в литературу персонажа, не способного переживать чужую смерть». А. Татарин вообщем называет В. Пелевина, наряду с М. Кундерой и М. Уэльбеком, «умным пустотником (подчеркнуто нами – И.П.), познавшим тщетность суеты». Примеры можно продолжать и далее, но оговоримся – по мнению авторов сборника – это наследие прошлой эпохи, эпохи постмодерна, когда, по выражению того же А. Татаринова, «мир жил без идеи, радуясь тому, что героев много, а героя нет».

Именно в попытке поиска героя десятилетия и возникает – второй ведущий сюжет конференции – феномен «нового реализма». Об этом феномене сейчас много спорят, и характерно, что в сборнике материалов конференции представлены разные точки зрения на его эстетическую природу и художественные возможности. По мнению А. Ганиевой, возникновение «нового реализма» связано с творчеством молодых писателей (Р. Сенчин, З. Прилепин), которые осмыслиют «литературную ситуацию с поколенческих позиций». Они вошли и в жизнь, в литературу в период духовного кризиса: «они надломлены перестройкой и не принимают современных реалий. Характерная черта их прозы – протестность». Об этом же пишет и А. Рудалев в своем «Катехизисе нового реализма», отмечая такую ведущую черту современной прозы как социальность: «Писатель должен быть включен в современность, чувствовать ее токи, чтобы транслировать ее в вечность». В концепции А. Рудалева «новый реализм» достаточно близок «неопочвенничеству», которое отмечается и другими авторами сборника: «Новый реализм» – это русский реализм, проявление русской цивилизации. Это русские люди за длинным столом, где стол – объединяющее русское начало, которое принимают совершенно разные люди, ассимилируются, входят в эту культурную традицию». Но у явления нового реализма есть и свои критики. Не случайно в сборник включена статья С. Белякова «Истоки и смысл «нового реализма»: к литературной ситуации нулевых», в которой отмечается намеренная антихудожественность этого течения. По мнению критика, это фантом, «самообман, вызванный стремлением выйти из тупика.... Желание вернуть литературе общественную значимость и любовь читателя». Солидарны с С. Беляковым А. Салуцкий и М. Бойко, для которых оказывается сомнительной сама категория новизны, на которую претендуют писатели поколения «нулевых».

Третья проблема, по которой ведутся дискуссии в сборнике – это отношения современности и классического наследия. Открывает этот раздел статья М. Голубкова, в которой говорится о культурном вакууме современного общественного сознания. Утрачена некая глобальная идея, которая смогла бы объединить нацию, и, по мысли автора, ее место могла бы занять русская классика: «Именно от Льва Толстого и по Толстому мы знаем о войне 1812 года, от Грибоедова – о мироощущении декабриста накануне его выхода на сенатскую площадь, от

Алексея Толстого – о Петровских образованиях, от Достоевского – о том, как чувствует себя человек ускоренного капитализма». Причем подчеркнуто отвергается игровая деконструкция классических текстов, свойственная постмодерну. В литературе «нулевых» все оказывается принципиально серьезным. Как пишет М. Загидулина о романах В. Пелевина «t» и Б. Акунина «ФМ» перед нами не ремейки и не «интертекстуалы», а концептуальные произведения, задача которых осмыслить место литературы в жизни, ее роль и возможности в социализации нового поколения». В обращении с классикой взят «курс на сакрализацию», что опять-таки соответствует главной тенденции десятилетия – поиск устойчивых основ в мире тотального хаоса.

Отметим, что сборник представляет собой интерес и с методологической точки зрения, поскольку внутри него предлагаются принципиально разные подходы к исследованию эстетической природы современной прозы. Важна в этом плане статья Н. Ковтун, посвященная анализу повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» с точки зрения мифопоэтической образности. Центральным объектом анализа в статье становится «генекратический миф», проецирующийся на современную ситуацию. Н. Ковтун убедительно доказывает, что в повести В. Распутина многие аспекты этого мифа обретают вторую жизнь. Здесь и «софийная символика», и «архетип женского богатрства», и андрогинные мотивы. По мнению автора статьи, художественный мир повести базируется на архаической образности, уходящей корнями еще в традицию старообрядчества (отсюда и особенности субъектной организации).

Завершают сборник разделы «Русская литература глазами славистов» и «Литературные журналы в первом десятилетии». Последний раздел особенно важен так как в нем дается хроника жизни российских провинциальных журналов с 2000 по 2010 год – материал очень важный для понимания истории русской литературы этого периода

*Илья Вадимович Петров,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры современной русской литературы УрГПУ*